

ПРЕДИСЛОВИЕ

СТРОКИ, ПЕРЕЖИВШИЕ ВЕКА

Годы царствования королевы Елизаветы I (вторая половина XVI столетия) были золотым веком английской поэзии. Много выдающихся имен прославили его, но самым славным среди всех является, конечно, имя Уильяма Шекспира. Он родился в 1564 году в Стратфорде-на-Эйвоне неподалеку от Лондона в семье почтенного горожанина, получил основательное образование в Страдфордской грамматической школе, рано женился и через несколько лет, о которых мы мало что знаем, сделался актером одного из лондонских театров. Очень скоро он стал не только играть, но и сочинять новые пьесы, а в 1592–1593 годах, когда столичные театры были закрыты в связи со свирепствующей в городе чумой, написал две мифологические поэмы, ставшие бестселлерами книжного рынка.

После того как Елизавета умерла в 1603 году и на трон взошел король Яков I, авторитет театра «Глобус», актером, драматургом и совладельцем которого (пайщиком) был Шекспир, еще больше упрочился. Помимо публичных представлений для лондонской публики, артисты театра регулярно играли при дворе и получили почетное название «Слуги короля». В 1613 году, в связи с болезнью, Шекспир вернулся в родной Стратфорд, где у него была семья и купленный на театральные доходы дом, в котором он и скончался спустя три года. Его личных бумаг не сохранилось, но в 1623 году вышло подготовленное друзьями собрание пьес Шекспира в одном большом томе — так называемое Первое фолио, которое содержало 36 комедий, исторических хроник и трагедий.

Для всего мира Шекспир прежде всего автор «Гамлета», «Ромео и Джульетты», «Отелло» и других знаменитых пьес — трагедий и комедий, непревзой-

денный драматург, чьи пьесы переведены почти на все языки мира и более четырех веков не сходят с театральных подмостков. Но его произведения, предназначавшиеся не для сцены, а для чтения — поэмы и сонеты, — известны куда меньше.

Сонеты Шекспира, которые современники называли «сладостными и медоточивыми», после его смерти два века пробывли в опале и пренебрежении, и лишь романтики привлекли к ним внимание публики. Уильям Вордсворт писал, что «этим ключом Шекспир открыл нам свое сердце». Вокруг этого тезиса и развернулся двухсотлетний спор, который продолжается до сих пор. Действительно ли сонеты автобиографичны, и если да, то до какой степени? Какие жизненные коллизии таятся за угадываемым нами сюжетом сонетного цикла? Существовал ли в действительности любовный треугольник, о котором говорится в сонетах 133, 134 и 144? Кто были прототипами Друга и Смуглой Леди? И наконец, было ли первое издание 1609 года подготовлено самим автором или его напечатали пиратским образом, в перепутанном виде?

Дискуссии вокруг шекспировских сонетов не остывают. Особенно ими увлечены «антистрадфордianцы», выдвигающие на место автора шекспировских произведений графа Оксфорда либо графа Ретленда, Кристофера Марло либо Фрэнсиса Бэкона, а то и еще кого-то из современников великого Барда. Здесь они нашли богатую пищу для своих конспирологических теорий и фантастических построений. Справедливы, по-видимому, слова авторитетного критика Эдмунда Чамберса, сказанные еще в 1930 году: «О шекспировских сонетах было написано больше глупостей, чем о любом другом произведении Шекспира». И все-таки тайна сонетов продолжает занимать умы исследователей.

Простодушным читателям, которые понимают стихи буквально, как репортаж с места событий, стоит вспомнить то, что писал Пушкин о сонетах Шекспира. Это всего лишь одна строка, но зато какая!

Суровый Дант не презирал сонета,
В нем жар любви Петрарка изливал,
Игру его любил творец Макбета,
Им скорбну мысль Камозэнс облакал.

Снова удивляешься меткости пушкинских оценок. «Игру его любил творец Макбета»! Вот ключевое слово, проговоренное как бы вскользь, но очень кстати. Оно напоминает нам, что в шекспировские времена писание сонетов было, прежде всего, изящной игрой с изысканными правилами. Шекспир тоже играл в эту игру. Но так как он был гением, то словно ненароком по ходу галантной игры касался самых глубоких человеческих струн, проговаривался удивительными лирическими пассажами, а порой и впрямь словно «открывал перед нами свое сердце». Мы, отдаленные потомки, берем у Шекспира именно это, глубокое и вечное, и прилагаем его к нашей жизни и к нашему времени. Но нельзя забывать и об игре; серьезное и игровое у Шекспира не мешают друг другу, а свободно соединяются в одно целое.

Как свободно соединяются лирика с игрой в «Евгении Онегине» Пушкина, в его витиеватом, прихотливо построенном повествовании.

И вот уже трещат морозы
И серебрятся средь полей...
(Читатель ждет уж рифмы *розы*;
На, вот возьми ее скорей!)

Переводы отдельных шекспировских сонетов начали появляться еще в XIX веке, но долгое время они не давались русским переводчикам. Пока в 1948 году не вышел в свет полный перевод Самуила Яковлевича Маршака, сразу завоевавший популярность в самых широких кругах читателей.

В последнее десятилетие стало модно их критиковать, говорить, что Маршак существенно изменил стиль Шекспира, сделал его стихи чересчур гладкими и прозрачными.

Приведу, однако, отзыв русского критика первой эмиграции Владимира Вейдле, известного своим поэтическим вкусом и строгой беспристрастностью. В 1960 году в Париже он писал о сонетах Шекспира в переводе Маршака: «Все они переведены прекрасно и совершенно однородным образом. Поэтику Шекспира переводчик упростил, но никакого насилия над ней не произвел; сохранил главное, пожертвовал сравнительно второстепенным. Русский же его поэтический язык, необыкновенно гибкий, остается всегда естественным и проявляет певучую плавность, которую никак не смешаешь с безличной гладкостью. Переведен им Шекспир, хоть и менее счастливо, чем им же переведенный Бёрнс, но позволительно все-таки сказать — как нельзя лучше. Большого требовать — по сю сторону чуда — нельзя».

Конечно, в огромной работе — 154 сонета! — неизбежно что-то выйдет лучше, а что-то хуже. Не зря сам Маршак говорил, что перевод поэзии «невозможен», что удачный перевод — всегда исключение из правил. Но ведь и гениальные стихи тоже «невозможны», они тоже исключение из правил. Правда, у гениев таких исключений бывает почему-то на удивление много.

Григорий Кружков

СОНЕТЫ

I

From fairest creatures we desire increase,
That thereby beauty's rose might never die,
But as the ripper should by time decease,
His tender heir might bear his memory:
But thou, contracted to thine own bright eyes,
Feed'st thy light's flame with self-substantial fuel,
Making a famine where abundance lies,
Thyself thy foe, to thy sweet self too cruel.
Thou that art now the world's fresh ornament
And only herald to the gaudy spring,
Within thine own bud buriest thy content
And, tender churl, mak`st waste in niggarding.
 Pity the world, or else this glutton be,
 To eat the world's due, by the grave and thee.

1

Мы урожая ждем от лучших лоз,
Чтоб красота жила, не увядая.
Пусть вянут лепестки созревших роз,
Хранит их память роза молодая.

А ты, в свою влюбленный красоту,
Все лучшие ей отдавая соки,
Обилье превращаешь в нищету, —
Свой злейший враг, бездушный и жестокий.

Ты — украшенья нынешнего дня,
Недолговременной весны глашатай, —
Грядущее в зачатке хороня,
Соединяешь скарденность с растратой.

Жалея мир, земле не предавай
Грядущих лет прекрасный урожай!

II

When forty winters shall beseige thy brow,
And dig deep trenches in thy beauty's field,
Thy youth's proud livery, so gazed on now,
Will be a tatter'd weed, of small worth held:
Then being ask'd where all thy beauty lies,
Where all the treasure of thy lusty days,
To say, within thine own deep-sunken eyes,
Were an all-eating shame and thriftless praise.
How much more praise deserved thy beauty's use,
If thou couldst answer "This fair child of mine
Shall sum my count and make my old excuse,"
Proving his beauty by succession thine!
 This were to be new made when thou art old,
 And see thy blood warm when thou feel'st it cold.

2

Когда твоё чело избородят
Глубокими следами сорок зим,
Кто будет помнить царственный наряд,
Гнушаясь жалким рубищем твоим?

И на вопрос: «Где прячутся сейчас
Остатки красоты веселых лет?» —
Что скажешь ты? На дне угасших глаз?
Но злой насмешкой будет твой ответ.

Достойней прозвучали бы слова:
«Вы посмотрите на моих детей.
Моя былая свежесть в них жива.
В них оправданье старости моей».

Пусть с годами стынущая кровь
В наследнике твоём пылает вновь!

III

Look in thy glass, and tell the face thou viewest
Now is the time that face should form another;
Whose fresh repair if now thou not renewest,
Thou dost beguile the world, unless some mother.
For where is she so fair whose unear'd womb
Disdains the tillage of thy husbandry?
Or who is he so fond will be the tomb
Of his self-love, to stop posterity?
Thou art thy mother's glass, and she in thee
Calls back the lovely April of her prime:
So thou through windows of thine age shall see
Despite of wrinkles this thy golden time.
 But if thou live, remember'd not to be,
 Die single, and thine image dies with thee.

3

Прекрасный облик в зеркале ты видишь,
И, если повторить не поспешишь
Свои черты, природу ты обидишь,
Благословенья женщину лишишь.

Какая смертная не будет рада
Отдать тебе нетронутую новь?
Или бессмертия тебе не надо, —
Так велика к себе твоя любовь?

Для материнских глаз ты — отраженье
Давно промчавшихся апрельских дней.
И ты найдешь под старость утешенье
В таких же окнах юности твоей.

Но, ограничив жизнь своей судьбою,
Ты сам умрешь, и образ твой — с тобою!